

В. В. Авдонин

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗА ДУРАКА В ПРОЗЕ В. Н. ВОЙНОВИЧА

Рассматриваются типологические признаки образа дурака в прозе В. Войновича в соотношении с образом сказочного Ивана-дурака и как особый тип русского национального характера.

Ключевые слова: *В. Войнович, сказочный Иван-дурак, типология образа дурака, Иван Чонкин, абсурд, конфликт, сатирический роман.*

Герои В. Н. Войновича получали неоднозначные отзывы литературных критиков и читателей с самого начала его творчества. Узнаваемые персонажи при ближайшем рассмотрении оказывались не соответствующими устоявшимся типологическим схемам. Ирония, гротеск, пародия, игравшие системообразующую роль в поэтике писателя, во многом деформировали привычные темы и образы. В этом аспекте особый интерес представляет тип дурака, который появляется уже в ранних произведениях Войновича, затем наиболее полно воплощается в образе солдата Ивана Чонкина и других многочисленных персонажах, обнаруживающих характерные признаки данного типа.

В. Н. Войновича принято считать ниспровергателем мифов. Задолго до распада официальной господствующей идеологии он подверг иронической и сатирической проверке на прочность ее основополагающие институты. Войнович в своих произведениях постоянно возвращается к мотиву столкновения личности с властью, государством, с коллективом. В творчестве писателя сложилась концепция особого героя, различные типы которого в своем конфликте с системой расположены в диапазоне от полного слияния с ней до противостояния и отторжения. Рассказ «Хочу быть честным» только на первый взгляд соответствует канону производственной прозы 1960-х гг. Внешне конфликт не выходит за границы производственной дилеммы, стоящей перед главным героем Самохиным, которому предстоит сделать выбор между сдачей недостроенного дома и собственной совестью. В повествовании от первого лица стилиобразующим фактором становится ирония, рефлектирующая функция которой позволяет герою взглянуть на себя «со стороны». В результате обнажаются социальные и бытовые стереотипы, которые настойчиво навязываются ему. Самохин существует в обыденной реальности, разворачивающейся как механическая повторяемость одних и тех же необходимых действий: утром подъем по будильнику, холостяцкий завтрак в ближайшем кафе, работа, обеденный перерыв, опять работа до вечера и т. д. каждый день.

Монотонность жизни воспринимается героем как замкнутый круг, из которого ему не вырваться.

Но в кульминационный (производственный) момент рассказа, когда Самохину предстояло подписать акт, он неожиданно для себя отказывается. Хотя Самохин предварительно рассматривал такой вариант и даже заключал пари, окончательное решение принято им эмоционально и выглядит немотивированным. Другие члены комиссии удивлены неожиданным поступком Самохина, который пошел вразрез с приказом начальства, обманул ожидания людей на скорое новоселье. Самохин и сам имел непосредственный интерес: сдача дома была напрямую связана с получением должности старшего инженера. Образ Самохина не укладывается в традиционный типаж героя советской производственной прозы, у него нет явных предшественников и в предыдущей литературе. Это не праведник, в котором воплощались бы традиционные народные ценности, и не правдоискатель, озабоченный постижением смысла жизни. Масштабы его личности значительно меньше. Самохин не противник системы, которая не вызывает у него неприятия, он просто «хочет быть честным». Своим спонтанным решением он противопоставил себя «коллективу»: стремление работать на совесть провоцирует конфликт. Однако Самохин устал подчиняться общепринятым «правилам игры», потому что они противоречат его душевному складу. Приходит момент, когда герой не может поступить иначе, так как опустошающее душу однообразие и постоянные компромиссы ведут его к распаду личности. Производственный конфликт на самом деле является его внутренним личностным конфликтом. Самохин сталкивается с всеобщим непониманием, его поступок в глазах окружающих выглядит как «дурацкий» («Ну чего ты дуришь?»). Самохина никто не считает дураком, однако близкий друг позволяет себе эвфемизм «дуб ты», в значении «глупый, не понимающий, что делаешь», имеющий уже явно выраженный оценочный характер.

В эпилоге рассказа производственный конфликт снимается в духе времени: появляется очерк под названием «Принципиальность», посвященный Самохину. Для самого героя это не имеет никакого значения. Характерна важная деталь: внешне здорового, высокого и сильного Самохина (русский богатырь) изнутри подтачивает болезнь. Ключе-

вым является эпизод, когда, подняв на стройке кислородный баллон, он попал в больницу с сердечным приступом. Самохин, взвалив на себя непосильную ношу, надорвался: герой не выдерживает испытания. Болезнь спасает Самохина от дальнейшего развития конфликта, и ждет его в случае выздоровления «дорога дальняя», в Сибирь, на новую стройку, где вряд ли что-то изменится. Конфликт личностный остается неразрешенным, герой оставлен автором на полпути.

Интересна в этом смысле интерпретация В. А. Масловой концепта «дурак» как одного из основных в русской концептосфере, поскольку «за словом «дурак» стоит мир образов, представлений, систем ценностных установок, метафор. С его помощью выделяют не столько определенную группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов» [1, с. 171]. Заметим, что дурацкое поведение героев В. Н. Войновича может иметь как положительный, так и отрицательный знак. Самохину важна самооценка, ради которой он может многим пожертвовать. Для писателя Ефима Рахлина, героя повести «Шапка», приоритетом является материальное подтверждение его социального статуса. Развернув свою маленькую войну за шапку из хорошего меха, которая должна обозначить его место в писательской табели о рангах, он не понимает, что это расценивается высокими чиновниками Союза писателей значительно серьезнее, чем нарушение стереотипов.

Рахлин относится к типу умника, он из числа тех, кто умеет устраиваться: делает карьеру, имеет все атрибуты успеха (публикации, деньги, квартира), но для самоутверждения ему необходимо получать от окружающих похвалы. Ради публичного одобрения Рахлин готов договариваться о положительных рецензиях на свои произведения, организовывать письма трудящихся в поддержку своего творчества. Рахлин благоразумно никому не признавался, как часто и внимательно читал Чехова, и ему казалось, что он пишет не хуже, а, может быть, даже «немного лучше». Данная самохарактеристика очень показательна для писателя, не понимающего, почему он не Чехов и почему никогда им не будет. Утративший в пылу борьбы представление о реальном положении вещей, услышав, что западное радио назвало его «знаменитым писателем», Рахлин уже всерьез называет себя писателем с «мировым именем». Никто до сих пор не считал его дураком, но теперь он слышит в ответ: «Вы дурак с мировым именем!» В данном случае «дурак» – это оценка умственных способностей человека, ограниченного и мыслящего стереотипами, и дурацкого поведения, нарушающего эти же стерео-

типы. Рахлин, пишущий книги, где «хорошие» люди жертвуют личным во имя торжества общественных идеалов, оказывается не в состоянии понять, почему борьба за шапку из более ценного меха встречает такое ожесточенное сопротивление. Власть бдительно охраняет свои идеологические основы, и то, что Рахлин считает справедливостью, воспринимает как покушение на систему. Силы оказываются неравными, Рахлин в разгар конфликта получает insult и умирает в больнице.

Если Самохин и Рахлин не совсем дураки, хотя и совершают дурацкие поступки, то Иван Алтынник и Иван Чонкин в полной мере воплощают устойчивые признаки русского дурака, восходящего к устному народному творчеству. Герой повести «Путем взаимной переписки» сержант Иван Алтынник, как сказочный герой, отправляется на поиски судьбы. В своей современной сказке Войнович сталкивает ментальность обыденного сознания советской эпохи с реальностью. Категории этого сознания формируют мировосприятие героя, и желание Алтынника выстроить жизнь в соответствии с идеалом определяет его судьбу. Алтынник в письмах подругам по переписке «приукрашивает» свою обычную жизнь в свете господствующих стереотипов: «тяжелое детство», «армия – школа жизни», далее планируется техникум, учеба в институте на инженера и, наконец, как своего рода воздаяние за перенесенные страдания женитьбе «на порядочной и культурной девушке».

Однако новая сказка оборачивается выморочным миром станции Кирзавод, в котором сказочные ситуации приобретают противоположный смысл. Все достижения героя оказываются мнимыми. Вместо мечты стать инженером он работает сторожем, вместо культурной девушки – сварливая баба. Сказочный дурак удачлив, он преодолевает все препятствия и побеждает всех врагов. Путь Алтынника – это ряд неудачных попыток вырваться из западни, в которую он попал в реальном мире Кирзавода. Топос Кирзавода представляет собой безжизненное пространство, которое летом покрыто пылью, зимой – принижено «сырым холодом» и ветром, и «нигде ни огня, ни звука», и Алтыннику «казалось, что они кружат на одном месте...» [2, с. 96]. Просматриваются, может быть, и неявные, но ощутимые варианты прочтения названия станции «Кирзавод»: *kir* (тюрк.) грязь, грязный, и одновременно разговорные *kir* – выпивка, *кирать* – пить. На жутковатой грязной станции Алтынника опоили волшебным зельем – водкой со спиртом – и насильно женили. И, наконец, просторечное *кирдык* – крах, поражение. Мечты завели героя в тупик, его путь завершен, однако это оказался путь в никуда. Алтынник представляет собой тип простака, и его усилия пережить судьбу заведомо обречены на провал.

В романе «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» тип дурака предстает в многочисленных проявлениях. Имеется ряд работ, где образ Чонкина рассматривается в самых разных аспектах [3]. В результате сложилось несколько основных интерпретаций заглавного героя романа: 1) естественный человек в неестественных обстоятельствах; 2) современный Иван-дурак; 3) сатирический образ, в столкновении с которым подвергается осмеянию абсурдность советской реальности; 4) клеветнический образ советского солдата и пасквиль на армию и народ в целом. В этой связи уместно сослаться на разграничение сатирического и комедийного персонажей, которое проводит В. Е. Головчинер: «...*сатирический* персонаж потому и требует развенчания, разоблачения, уничтожения с помощью смеха, что он *причиняет страдания*, притесняет, лишает возможности свободно реализовать себя другим лицам. Как правило, *сатирические* – лица, имеющие в каких-то формах власть, которую они используют во вред другим, делу» [4, с. 50]. Антагонистом сатирического персонажа является комедийный персонаж, который не причиняет страдания, не пагубен для других, поэтому и не требует развенчания. Комедийный герой сам становится источником смеха, «проявляясь в сфере комического, создает (осознанно использует) в перспективе действия обстоятельства, в логике которых с очевидностью проявляется (проверяется, обнаруживается) степень его человеческой состоятельности, большая или меньшая мера продуктивности /разрушительности результатов деятельности для других» [4, с. 50]. Интерпретация Чонкина как комедийного персонажа сатирического романа позволяет точно расставить акценты и избежать многих недоразумений.

По мнению Е. М. Мелетинского, сказочный дурак является подлинным предшественником литературных чудаков и «обладает какой-то мудростью» [5, с. 188]. Иван-дурак волшебной и бытовой сказки представлен двумя типами: собственно дурак и хитрец, валяющий дурака. Отношение к дураку в сказке двойственное. Над ним смеются, не принимают всерьез, но в то же время его дурацкие поступки воспринимаются снисходительно, дурака жалеют: «Что с дурака взять». С точки зрения развития сюжета дурак сначала фигура нелепая и комическая, свой путь он начинает, не имея ничего. Однако дурак удачлив, ему благоприятствуют обстоятельства, ему помогают, и в итоге он приходит к обретению желаемого: «Дуракам везет». Сказочный дурак активен, но его деятельность вызывает смех, потому что он ни к чему не пригоден, не хочет и не умеет ничего делать.

Иван Чонкин во многом похож на своего сказочного прародителя, он внешне «не пригож» со-

бой, медленно соображает, на него сваливаются все мыслимые несчастья. Мировосприятие героя строится на примитивно-наивных представлениях, однако глупость Чонкина отчасти объясняется его малограмотностью и элементарной необразованностью, что не является исключительным: в романе таких персонажей достаточно. Главный поступок героя (защита самолета и отказ покинуть пост) лишен смысла. В здравом уме «нормальный» солдат подчинился бы приказу, никогда не стал бы оказывать вооруженное сопротивление представителям власти. И все же Чонкин не вполне законченный дурак, значительная часть определений, которые можно обнаружить в словарях, к нему неприменима. У В. И. Даля дурак – «глупый человек, тупица, тупой, непонятливый, безрассудный; маломысленный, безумный, юродивый; шут, промышлявший дурью, шутовством» [6, с. 501]. Чонкин – дурак как таковой: человек с ограниченными умственными возможностями (глупый, тупой, бестолковый). Однако безрассудство ему не свойственно. Чонкин постоянно размышляет и, прежде чем решиться на что-то, находящееся за пределами его привычных действий, основательно задумывается. Решение о женитьбе, обороне поста, возвращении на родину и другие поступки он совершает после основательных размышлений. Чонкин часто «предавался своим мыслям. Мысли у него были разные. Внимательно наблюдая жизнь, постигая ее законы, он понял, что летом обычно бывает тепло, а зимой холодно» [7, с. 25]. Умозаключения Чонкина, выходящие за границы обыденного опыта, примитивны и смешны. Однако Чонкину нельзя отказать в практическом уме, достаточно указать хотя бы на эпизод блестящего оформления «своих» арестантов на работу в колхоз. Поступки Чонкина оказываются наиболее вероятными из всех возможных вариантов и достаточно разумными, если от него требуется конкретное, бытовое действие. Чонкин глубоко погружен в обыденную жизнь, его размышления, выходящие за рамки практических сфер, нельзя расценивать как настоящую духовную жизнь. Чонкин очень хорошо знает, чего он хочет, ему не свойственны беспочвенные мечтания, он не навязывает реальности свои представления, не пытается переделать жизнь.

Безумство и юродивость в образе Чонкина отсутствуют. Значение «дурак как шут» чонкинскому типу также не соответствует: он не в состоянии прикидываться дураком. Однако окружающие оценивают Чонкина по-разному. Председатель колхоза Голубев, восхищенный предприимчивостью Чонкина, замечает: «Ты, Ваня, очень умный... С виду дурак дураком, а приглядеться – ум государственный» [7, с. 190]. Председатель суда полковник Добренький подозревает Чонкина в притворстве и со-

ветует «не валять дурака» [7, с. 469]. И, наконец, в отличие от сказочного дурака, Чонкин любит не только спать, но и работать. Трудолюбие Чонкина становится единственным оправданием его человеческого существования, в труде заключается способность героя сохранять свою идентичность в любых условиях. Чонкин самодостаточен, он обладает способностью вписаться в любую систему общественных отношений, но остается как бы вне системы, потому что последняя не способна изменить его сущность. Осмысление себя и мира осуществляется Чонкиным на доидеологическом уровне. Поэтому герой вращается в окружающий мир, как вращается в землю зерно, которому просто необходимо соблюдение минимального набора условий, «как американская картошка приспособилась к российской почве, так русский человек Чонкин приспособился к почве американской» [8, с. 188].

Примитивность и неразвитость сознания свойственны не только Чонкину. Индивидуальные особенности в сочетании с общественным положением героев создают в романе самые разнообразные типы дураков. «Образованный» дурак Гладышев и дурак государственный Федот Федотович Фигурин (Идиот Идиотович, по определению его сослуживцев), тот самый победивший «грядущий хам», прихода которого так опасался Д. Мережковский, и тугодумный капитан Миляга, и дубинноголовый тупой сержант Свинцов, и редактор газеты Ермолкин, который, следуя собственным абсурдным правилам, утратил все связи с жизнью, и сомневающийся дурак Голубев. Все колхозники, представленные в более или менее развернутых эпизодах – Талдыкин, Шикалов, Луков, Фролов, Плечевой – демонстрируют ту же чонкинскую степень неразвитости сознания. Естествоиспытатель Гладышев, наблюдая за тараканами на печи, размышляет, «а нельзя ли... связать между собой и направить в одну сторону. Это ж такая сила получится, что ее можно с выгодой использовать в сельском хозяйстве» [7, с. 52]. Деревенские «мыслители» Луков и Фролов спорят о том, «что если сцепить слона с паровозом, то слон перетянет» [7, с. 98]. На государственном уровне решения принимаются еще более абсурдные, и поступки совершаются не менее дурацкие. Секретарь райкома Ревкин звонит по телефону в местное Учреждение в поисках пропавших чекистов, хотя знает, что там никого нет, и тут же придумывает абсурдную систему дублирования одного учреждения другим в целях безопасности. Капитан Миляга, соображает не быстрее Чонкина, который в стрессовых ситуациях проявляет свои лучшие качества. Капитан Миляга, напротив, оказавшись в «плёну» у своих, теряет остатки ума и демонстрирует полную неспособность к умозаключениям, что становится причи-

ной его смерти. Поступки, идеи, измышления и фантазии большинства героев романа принципиально не отличаются от порождений примитивного сознания Чонкина. Однако есть одно существенное отличие, которое заключается в возрасте главного героя. Если Шикалов служил в «Петербурде хельдхебелем» в 1916 г., то Чонкин значительно младше и является представителем первого поколения русских людей, рожденных и воспитанных советской властью. Таким образом, Чонкин воплощает собой новый тип национального характера со всеми его традиционными достоинствами и недостатками, деформированный абсурдом новой социальной реальности.

Особое место занимает в романе образ еврея-сапожника Сталина. Во-первых, он представляет инациональную культурную традицию, во-вторых, вместе с долговскими безымянными Мыслителями воплощает в романе тип дурака «себе на уме». Сапожник – единственный, кто оказался способен открыто противостоять Учреждению: он играет по правилам системы, используя страх как средство собственной защиты. Сапожник, прикрываясь сакральным именем Сталина, присваивает себе привилегию шута говорить власть предержащим правду, называет капитана Милягу дураком и бросает ему в лицо невыносимое обвинение: «У тебя руки в крови» [7, с. 151].

Первый и второй долговские Мыслители представляют собой вариант приспособления к системе: они пытаются адаптироваться к существующим условиям, стремятся найти логику там, где здравый смысл заведомо отсутствует. В целях выживания, Мыслители стремятся стать «как все», раствориться в системе, полностью принимая ее правила. Прочитав «ученую» статью о новом антропологическом типе длинноголовых, Мыслители находят в ней глубокий политический подтекст и переводят теорию в практику, удлинняя свои головы с помощью париков. Возможность слияния с системой временна и иллюзорна, что подтверждается образом Запятаева, который долгое время успешно приспособился к власти, но при первой же оплошности был объявлен латинским шпионом: «если попадетс такой дурак, как я, он должен немедленно и безжалостно уничтожаться» [7, с. 254].

Чонкин, казалось бы, стоит особняком в ряду других героев, но по существу многие его черты рассеяны по другим персонажам романа, в том числе и любовь к труду. Звероподобный сержант Свинцов, вырванный из неестественной среды, «дорвавшись до простого, знакомого ему с детства крестьянского труда... вдруг почувствовал неизъяснимое наслаждение» [7, с. 188]. В. Н. Войнович не оставляет сомнений в типичности и распростра-

ненности чонкинского типа. Два конвоира на суде представляют собой его полные копии: «Такие же лопоухие, кривоногие, любого из них посади на место Чонкина, Чонкина поставь на их место – ничего не изменится» [7, с. 467].

Характер Чонкина устойчив и не меняется на протяжении всего романа. Чонкин правдив и бесхитроуен, поэтому постоянно попадает в нелепые ситуации. И только в третьей части романа «Перемещенное лицо» обстоятельства благоприятствуют герою: он оказывается в чужой, но разумно устроенной среде и начинает проявлять способности если не к саморазвитию, то, во всяком случае, к обучению, внутренне при этом не меняясь. В Чонкине переплетаются сугубо национальные и общечеловеческие качества. В. Н. Войнович в одной из бесед заметил: «Чонкин – это ведь не весь народ, как некоторые утверждают, а один характер, одновременно и универсальный и национальный, один из бесчисленного множества типажей» [9]. При этом ему явно не хватает русской удали и размаха, бесшабашности и безрассудства. Чонкин по-русски «медленно запрягает», но он не способен и к быстрой езде. Чонкин осторожен, постоянно опасается подвоха и с трудом соглашается на авантюры. Он предельно приземлен, практичен, что никогда не считалось сильной стороной русского национального типа. Его планы на будущее ограничиваются мыслями о том, как после демобилизации употребить положенный ему и недополученный комплект обмундирования, о чем он не забывает упомянуть в рапорте начальству. Выделяемое в типологической характеристике Чонкина «универсальное» начало можно обозначить как стремление человека устроить жизнь на разумных основах, чтобы было хорошо и удобно. У Чонкина нет абстрактного патриотизма, поэтому он так естественно вписывается в американский «плавильный котел» и превращается в Чонкин Internatinal. Однако победа универсального неизбежно ведет к утрате национального начала.

Самохин в некотором смысле является более русским типом, нежели Чонкин. Оба героя живут в предложенных обстоятельствах, по заведенному порядку, который нарушается только вмешательством внешних сил. Однако Самохин тяготеет монотонностью существования (тип русского беспокойства). Чонкин же принимает действительность, которая не вызывает у него внутреннего сопротивления и отвечает его потребностям просто жить и работать («интернациональный тип»). Характер Чонкина именно в силу своей неразвитости и стабильности позволяет выявить противоестественность и агрессивную абсурдность искаженной национальной жизни. С другой стороны, на этом фоне отчетливо проявляются такие присущие на-

циональному характеру, в трактовке В. Н. Войновича, черты, как пассивность и податливость, которые обнаруживаются в образах Гладышева, Миляги, Мыслителей и др. Гладышев вчера хлопал на митинге председателю колхоза, сегодня – немцу в черном мундире, «скандинав» Федя сначала безумствовал на концертах Обуховой, затем деловито организует овации на официальных советских мероприятиях. Капитан Миляга в стремлении сохранить жизнь готов на предательство и надеется, что его «опыт борьбы с коммунистами... мог бы принести известную пользу немецкому Учреждению» [6, с. 208].

Анализируя роль элементов сказочной поэтики в структуре повествования В. Н. Войновича, Т. Л. Рыбальченко отмечает, что писатель исследует такие пороки народного сознания, как его неразвитость, и примитивный разум в мыслящих индивидах, приходит к справедливому обобщению: «Народ представлен не только как жертва злой власти, но как производитель абсурдных идей и их ретивый, хотя и неумелый исполнитель» [10, с. 95]. С другой стороны, нуждается в уточнении утверждение, что Чонкин «не может не только обрести свое слово о жизни, но и отказаться от не понимаемых им пустых слов, по которым организована советская система. Поэтому он – ложный герой не только в официальной оценке, но и не герой как хранитель народных подлинных критериев оценки реальности» [10, с. 95]. Вопрос сводится к тому, что считать подлинно народными критериями и ценностями. В третьей части романа В. Н. Войнович усиливает в образе Чонкина определенные черты. Герой в Америке, казалось бы, значительно изменился. Но это всего лишь внешние перемены, которые не повлияли на его сущность. Он управляет не лошадью, а трактором, комбайном и самолетом, вместо невкусной теплой воды пьет холодную воду с кубиками льда, не режет колбасу толстыми кусками, а готовит себе омлет или что-нибудь вегетарианское. Но Чонкин остался самим собой. Он просто живет, просто работает, по воскресеньям посещает обыкновенный дом, который считает своей церковью. Это просто церковь, и священник в ней служит по совместительству, а основная его работа санитаром в местной больнице. И свои простые просьбы прихожане обращают к богу, который для них есть просто бог, и он милосерден, и он простит им незнание. Они просят помочь Симпсону пережить утрату жены, Карпентеру – залечить поврежденную ногу. Они просят бога помочь Анне, хорошей русской женщине, хорошо провести время в Америке и чтобы дантист сделал Анне хорошие зубы, чтобы она могла широко улыбаться и пережевывать пищу. Бог американского гражданина Джона Чонкина – это здравый смысл.

Самохин, Рахлин, Алтынник и Чонкин как современные сказочные дураки терпят поражение. Самохин противопоставляет себя коллективу, и в этом конфликте у него нет выигрышных вариантов, он внутренне готов к своей дороге в Сибирь, которая всегда была местом личной свободы. Алтынник как воплощение сказочного простака, претендующего быть хитрецом, оказывается в вечном плену, где его тиранит сварливая жена. Рахлин уничтожен, поскольку покушается на идеологические основы абсурдной системы. Чонкина судьба уводит за «тридцать морей в тридцатое государство», где он живет внешне благополучной жизнью, но вспоминает свою первую настоящую любовь. Современные потомки сказочного дурака не обретают ни общественного положения (царство), ни личного счастья (суженая). Обнаруживает-

ся некая логика в судьбах героев: чем более усилий по устройству собственной судьбы прилагает герой, тем сокрушительнее его поражение. Сказочный дурак и герои современной литературы находятся в принципиально разных отношениях с действительностью. Сказочный дурак вписан в свою реальность, где действуют непреложные законы, следуя которым он идет к цели. Однако социальную систему, построенную на абсурде, невозможно победить: абсурдная реальность перехитрит хитреца, одурачит умника, сломает глупого упряма. И только дурак обнаруживает в себе достаточные жизненные силы для самоидентификации, оставаясь всегда и везде самим собой. С дураком ничего нельзя сделать, ни изменить, ни одурачить, потому что его жизнь непоколебимо покоится на природных инстинктах и здравом смысле.

Список литературы

1. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Наука: Флинта, 2007. 295 с.
2. Войнович В. Путем взаимной переписки // Дружба народов. 1989. № 1.
3. Сарнов Б. Естественный человек в неестественных обстоятельствах // Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман. Кн. первая и вторая. М.: Книжная палата, 1990. С. 523–540; Щеглов Ю. К. К понятию «административного романа» (типологические заметки об «Иване Чонкине» В. Войновича) // Новое литературное обозрение. (2009). 99. С. 143–154; Шафранская Э. Ф. Изучение романа В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» в XI классе // Русская словесность. 2001. № 3. С. 15–19; Волков А. Р. Швейк и Чонкин (типология или влияние?) // Rossica Olomucensia XXXVIII (za rok 1999). 1. Rocenka katedry slavistiky na FF Univerzity Palackeho. Olomouc, 2000. S. 43–48.
4. Головчинер В. Е. Комедийное, комическое, смеховое («Дни Турбиных» М. Булгакова, «Мандат» Н. Эрдмана // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 7 (109). С. 47–57.
5. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.–СПб.: Академия исследований культуры, Традиция, 2005. 240 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1989. Т. 1.
7. Войнович В. Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман. Кн. первая и вторая. М.: Книжная палата, 1990.
8. Войнович В. Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Кн. III. Перемещенное лицо. М.: Эксмо, 2007.
9. «Я вернулся бы...»: Беседа с И. Ришиной // Литературная газета. 1990. 20 июня.
10. Рыбальченко Т. Л. Введение элементов сказочной поэтики в структуру повествования о современности как форма критики народного сознания в русской прозе 1960-х гг. // Вестн. Томского гос. ун-та. 2009. Вып. 2 (6). С. 79–100.

Авдонин В. В., кандидат филологических наук, доцент.

Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова.

Пр. Тауке хана, 5, Шымкент, Южно-Казахстанская область, Казахстан, 160000.

E-mail: vld-55@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 09.04.2012.

V. V. Avdonin

TPOLOGY OF A FOOL'S IMAGE IN VOINOVICH'S PROSE

The typological signs of an image of the fool in V. Voinovich's prose in comparison with the image of fairy tale Ivan-fool and as special type of Russian national character in the article are considered.

Key words: V. Voinovich, fairy tale Ivan-fool, typology of a fool's image, Ivan Chonkin, absurd, conflict, satirical novel.

M. Auezov South Kazakhstan State University

Pr. Tauke khana, 5, Shymkent, South Kazakhstan region, Kazakhstan, 160000.

E-mail: vld-55@yandex.ru